

УДК 86-96+11+13+14
ББК 83.3(2Рос=Рус)6+87.21

А.Б. ШУЛЫНДИНА

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДАНИИЛА АНДРЕЕВА КАК ФИЛОСОФСКО- МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Осуществлена попытка исследования мировоззрения великого русского писателя-духовидца Д. Андреева как целостной философско-мировоззренческой системы, нашедшей отражение в его знаменитом произведении «Роза мира». Мировоззрение Д. Андреева внутренне близко философским диалектическим концепциям (В.С. Соловьёв, Н.О. Лосский, С.Л. Франк) и философской христианской мистической традиции (имяславие). Д. Андреев внес значительный вклад в осознание метаистории России и внутренней духовной жизни человека.

Ключевые слова: Даниил Андреев, метаистория, мировоззрение, Божественное Начало, единая база духовного знания, бого-сотворчество, духовный опыт, «вирусы сознания», уровень развития.

Мировоззрение великого русского писателя-духовидца Даниила Андреева, нашедшее отражение в его знаменитом произведении «Роза мира», в силу многих причин не может быть подвергнуто анализу в рамках той методологии исследования, которая всегда применялась в традиционной «позитивистки-ориентированной» науке. Это связано с тем, что с точки зрения этого метода подобные вещи могут быть видны лишь «гадательно, сквозь тусклое стекло». Для адекватного восприятия текстов писателя исследователь должен иметь опыт, хотя бы в какой-то степени созвучный с опытом создателя «Розы мира», и схожую внутреннюю структуру личности и мышления.

Только в этом случае (даже при некоторых различиях в характерах опытов) общая внутренняя направленность

VII

**ORBIS
LITTERARUM**

мысли исследователя приведет к результатам, подтверждающим визионерские открытия Д. Андреева в области «запредельного» и, напротив, иные области опыта переживания «запредельного» могут находить подтверждение в размышлениях писателя, то есть здесь возможно взаимообогащение и взаимодополнение, приводящее к сходному синтетическому результату. Не случайно Д. Андреев писал: «Без всяких гарантий опыту другого поверит тот, чей душевный строй хотя бы отчасти ему созвучен» [1, с. 39].

Следует учесть, что визионерский опыт Д. Андреева находит подтверждение в конкретных научных открытиях, которые были сделаны уже после ухода писателя из жизни. Так, например, археологическими раскопками и современными исследованиями подтверждается все то, что Д. Андреев писал о хараппской цивилизации, которую он относил к «дравидической», с указанием исторического времени странной катастрофы, приведшей к ее гибели (вся информация по этому вопросу во времена Д. Андреева была или неверна, или вообще отсутствовала). Другой, столь же поразительный пример — это информация о наличии внутренней структуры у протонов, а также прозрения писателя в области теоретической физики, к которым современная наука только начинает приближаться [2]. Подобные совпадения заставляют гораздо более серьезно, чем это обычно принято, относиться к творчеству Д. Андреева как к источнику потенциально верной и ценной информации, а не просто как к оригинальному художественному явлению, а также изучать его мировоззрение в целом.

Одним из главных и необходимых условий более или менее адекватного восприятия Д. Андреева является то, что можно назвать *метаисторическим* чутьем — видением мира как *органического целого*, в котором все мироздание является местом обитания и взаимодействия самоопределяющихся деятелей, обладающих различными, соответствующими уровням их развития, степенями осознанности и свободы.

Под «деятелями, обладающими разной степенью осознанности», что важно подчеркнуть, понимаются не только люди, но и различные самоосознающие субстанции иного вида: природные силы (называемые Д. Андреевым «стихиялиями»), «души» животных, растений, минералов, бактерий, всех тех деятелей, которые находятся в сферах, расположенных за пределами привычного нам видимого мира (в терминологии Д. Андреева — в мирах «восходящего ряда» и мирах «нисходящего ряда»). Все они имеют сложное строение, причем проявленная в физическом мире часть их существа — лишь некая верхушка айсберга, возвышающегося над не видимым обычным зрением комплексом тел, имеющих иную, более тонкую материальность. При этом в основе каждого полноценного существа лежит богосотворенная (или — в редких случаях — богорожденная) монада, находящаяся вне времени и пространства, над которой надстроены «шелъты», «астральное», «эфирное» и, наконец, физическое тела. Вся эта сложная система тел проходит свое развитие во времени и пространстве, в процессе реинкарнаций обо-

гащается опытом, при этом каждое самоосознающее существо обладает возможностью выбора, и степень свободы существа увеличивается по мере его развития.

Научные открытия XX века свидетельствуют, что некие свобода и необусловленность, указывающие на существование определенного изнутри идущего импульса, косвенно дают повод предположить наличие определенной степени осознанности и свободы, проявляющихся на самых разных уровнях мироздания, начиная с самых примитивных. Так, опираясь на открытия еще своего времени (первой половины XX века), Н.О. Лосский указывал на первичные реакции притяжения—отталкивания, которые свойственны всем живым и неживым природным существам и действуют во всем материальном мире, например, в атомах [3, с. 333—340]. Современная физика свидетельствует, например, что направление перемещения электронов не может быть полностью предугадано.

Наиболее полно отражает реальность та картина мироздания (в какую бы внешнюю форму — философскую, религиозно-мистическую, «метафизическую» (в кантовском понимании) — она не облекалась), которая учитывает эту динамическую и изнутри идущую составляющую мироздания. Как представляется, наиболее близка к этому философская система Н.О. Лосского, предложившего для выражения такой системы самоопределяющихся деятелей термин «субстанциальные деятели». Именно внутренний выбор субстанциального деятеля обуславливает и тот набор внешних факторов, который он формирует вокруг себя, поэтому, по Н.О. Лосскому, мир есть творение субстанциальных деятелей. Близко к этому и учение С.Л. Франка, который считал, что каждый элемент мироздания обладает той или иной степенью осознанности, которую он называл «душой». При этом стихийно-изменяющаяся субстанция «души» обладает «первично-бессознательными» волевыми реакциями на любую идею или образ, что выражается в некоем позыве и движении в сторону образа (притяжение) или, напротив, отталкивании от него [4]. Такая бессознательная первичная оценка душой того или иного феномена свидетельствует о том, что в ней присутствует некий центр, начало, *формирующее и направляющее движения души*. Сам подбор «материала», «привлекаемого» в душевную жизнь, во многом организуется именно этой внутренней направленностью души.

Концепция Д. Андреева внутренне близка вышеупомянутым философским теориям, однако визионерский опыт писателя во многом существенно дополняет и обогащает картину, созданную Н.О. Лосским и С.Л. Франком.

Сложнейший процесс становления и развития самоопределяющихся и развивающихся деятелей называется Д. Андреевым *метаисторией*, причем, в силу ряда метаисторических причин, главной из которых оказалось отпадение одной из богорожденных монад от светлого пути развития, что привело к формированию системы демонических миров, вся метаистория становится ареной борьбы разнонаправленных — божественных и демонических — духовных сил. Реальные проявленные в истории события являются лишь внешней канвой тех глубоких

процессов, которые происходят в метаистории. При этом каждый из враждующих лагерей состоит из деятелей различного порядка и уровня. И каждый из них вносит в мироздание свою лепту в зависимости от своего уровня: люди «кинвольтируются» некими силами для совершения определенных (светлых или темных) миссий, но и сами они также имеют некую свободу выбора, которая повышается в зависимости от степени их развития. Кроме того, люди могут также влиять на те существа, которые находятся в иных мирах, «подпитывая» их своими («светлыми» или «темными», «высокими» или «низкими») «излучениями».

Деятели, вставшие на путь Добра, развиваются в сторону усложнения и обогащения сфер их мировосприятия и мироощущения, усиления осознанности, усиления своей связи со всем мирозданием и своей ответственности за его судьбу, увеличения своей творческой мощи, то есть способности участвовать в творческом историческом (метаисторическом) процессе. Деятели, развивающиеся по пути зла, усиливают свою «отделенность» от окружающего их мироздания и направляют все свои силы на увеличение своей собственной эгоистически понимаемой мощи и влияния в ущерб другим деятелям. Следствием этой направленности их развития является ослабление осознанности, снижение богатства восприятия и мышления.

При этом тот или иной внутренний выбор оказывает воздействие на все тело деятеля, в том числе, на его «физически проявленную» материальность. Следствием развития деятеля по пути Добра является «разрежение» и «облегчение» его материальности. Чем выше уровень развития и усложнения деятеля на этом пути, тем более энергетически «легкой», «мобильной» (то есть способной к быстрому видоизменению своей структуры) становится его материальная оболочка. В пределе такой деятель способен преобразовывать свое тело в некую «разреженную субстанцию», проходить сквозь предметы, путешествовать по различным мирам, существовать в мирах со многим количеством измерений, его тело становится все менее подверженным разрушению и смерти. Выбор отрицательного пути и движение по нему способствует все большей «отяжеленности» тела, возрастанию его плотности, что делает его неспособным к мобильному перемещению, к выходу за пределы «грубой материальности», к существованию в тонких и сложных мирах. Даже если такое тело приобретает некие «сверхъестественные» способности, даруемые тому или иному деятелю для выполнения каких-либо «темных миссий» на Земле демоническими силами, такие способности все равно безмерно ограничены по сравнению с возможностями тел, формируемых более «тонкими» энергиями. Кроме того, такие тела весьма нестабильны и недолговечны, так как они подвержены закону «кармического воздаяния», и «энергетическая тяжесть» в *посмертии* неизменно увлекает их в демонические, адские миры.

В общую картину мироздания входят некие многоуровневые структуры, названные Д. Андреевым *метакультурами*, формирующими значительные духовные течения человечества, внешне проявленные как религии и социально-государственные образования. По Д. Ан-

дрееву, метакультура — сложная система миров, которая включает не только «земной слой» культуры, но и находящиеся за пределами земного пространства «верхние» миры «светлой направленности», являющиеся носителями той вневременной божественной сверхидеи, которую данная метакультура призвана привнести в мироздание, и служащие местом пребывания сил, ведущих человечество по пути просветления и преобразования, а также «нижние», «демонические» миры, в которых сконцентрированы силы, противодействующие силам светлой направленности. Каждой *метакультуре* присущи определенные черты, связанные с особенностями «божественной миссии» этой *метакультуры* и того духовного пути, который является результатом совместного выбора всех обитателей данной *метакультуры*. Существование человека не только в процессе земной жизни, но и после смерти, и в перерывах между новыми воплощениями на земле, обуславливает основы его мировоззрения, мировосприятия, особую «пристрастность» его к определенным, типичным для этой метакультуры архетипам (хотя уровень его восприятия может быть самым разным — от низшего бессознательного до сознательного и творчески осмысленного). Метакультуры не отъединены друг от друга, они находятся в динамически сложном процессе взаимодействия. Выбор деятелем той или иной направленности развития приводит любое существо после смерти его физического тела в то или иное, соответствующее степени его «возвышения» или «падения», место в ряду миров «восходящего» или «нисходящего» порядков, где он становится подверженным действию законов конкретного мира. И хотя в общем и целом эти законы едины для всех *метакультур*, все же есть и некоторые отличия, касающиеся судьбы «деятелей» разных *метакультур*, кроме того, в одних случаях законы более «мягки» и «гуманны», в других — более жестки.

Следует обратить внимание на то, что при всем богатстве и разнообразии исторических эпох, культур, миров, представленных Д. Андреевым в «Розе мира», мироздание, несомненно, является для него «органически целым». По сути, мировоззрение писателя есть достаточно убедительное и последовательное выражение гармоничной целостности бытия, в котором все дуализмы суть лишь внешняя видимость *внутренней единой гармоничной* сути вещей, единого источника — Божественного Начала.

Не будучи профессиональным философом, не владея в полной мере философским категориальным аппаратом, Д. Андреев тем не менее интуитивно выстраивает последовательную мировоззренческую систему, которая позволяет ему приблизиться к решению тех вопросов, над которыми человечество раздумывало веками и которые являются непреодолимыми препятствиями для разрешения «загадок мира» как для многих «традиционных ученых», так и для многих «религиозных людей»¹.

¹ В рамках небольшой статьи сложно провести полный анализ мировоззренческой системы Д. Андреева. Цель автора — наметить такую возможность и создать базу для дальнейших исследований.

Главным условием познания («гносеологической координации» по Н.О. Лосскому), позволяющим человеку настроить свои чувства и разум на то, чтобы *внутренне прочувствовать и осмыслить мир как «единое органическое целое», пронизанное Божественным Началом, является настроенность человека на «синергичную» взаимосвязь Творца, человека и мира.* Не случайно, например, православное христианство издавна отдавало первенство не «рациональному», а «сердечному» постижению мира, а русские старцы и Отцы Церкви говорили, что «надо стать умом в сердце пред Господом и стоять пред Ним» [5, с. 69]. Преимущество «сердечного созерцания» перед «рациональным мышлением» состоит в том, что именно сердце как условный орган мистической интуиции есть ключ к *подлинному внутреннему* познанию, а «познать всем сердцем» значит *«понять всецело»* [6, с. 536]. То, что «Роза мира» написана человеком, который обладал этим внутренним опытом, позволяющим чувствовать Божественное Начало как бы «разлитым» в мироздании, во всех его стихиях и существах, пронизывающим все существующее, очевидно для любого, кто хоть раз в жизни переживал то, что мы называем «религиозным опытом».

Достаточно гармонично синтезируются в мировоззрении Андреева «материальное» и «духовное», «тело и душа», «мистическое» и «обыденное», «сознание» и «материя», «божественное» и «земное».

Если вычленим некую философскую суть того, что описано в «Розе мира», то можно сказать, что все «дуализмы» бытия для него суть проявления единого «поля Абсолюта». Находясь в этом поле, все существа сочетают в себе духовность, обязательно проявленную в «телесности», хотя эта телесность может быть разного уровня — от самого тонкого (объекты, изучаемые *трансфизикой*) до грубоматериального (объекты, изучаемые физикой). Чисто духовным существом, согласно Д. Андрееву, может быть только Бог-Творец. То, что мы называем областью «мистического» (по контрасту с областью «обыденного»), не есть некая особая, отделенная от человека непроницаемой стеной, область, так как, по сути, способность к «мистическому восприятию» является лишь способностью к «расширению восприятия», что обусловлено степенью развития того или иного существа, благодаря чему оно может воспринимать и те области мироздания, которые другим, менее развитым существам, кажутся «запредельными». В этом Д. Андреев демонстрирует глубокое единство с идеями В.С. Соловьёва, который считал, что мистика — это видение реальных и живых жизненных явлений в их подлинной полноте, целостности и во всех взаимосвязях, поэтому «различие между нашим обыкновенным познанием и познанием метафизическим может быть только относительное или степенное» [7, с. 212].

То, что обычно называется «сознанием», по Д. Андрееву, является началом, пронизывающим все материальные уровни мироздания (хотя уровень сознания может быть самым разным — от самого грубого и примитивного у более простых существ до самого сложного и многогранного у существ более развитых). Природа, как и человек,

представляется Д. Андрееву мыслящим и одушевленным существом (точнее, сложным конгломератом многих мыслящих существ), и человек оказывается способным взаимодействовать со всем мирозданием именно как с живым одушевленным, обладающим сознанием существом (точнее, с живыми существами). При этом сознания всех существ, существующие в едином «поле Абсолюта», «взаимопроницаемы», границы между ними приоткрыты. В этом идеи Д. Андреева также полностью совпадают с идеями В.С. Соловьёва, для которого мироздание есть способ существования и взаимодействия существ, обладающих разной степенью осознанности.

Необходимо подчеркнуть, что мировоззрение Д. Андреева не является всего лишь выражением поэтически поданного гилозоизма, а «одушевление» и «наделение сознанием» всех уровней бытия не предполагает профанации идеи Бога, а ставит их в иерархически понятные и гармонично-взаимодополняющие отношения: Бог-Творец есть создатель вечных божественных монад, а мироздание — результат совместной деятельности Бога-Творца и сотворенных Богом (или — в редких случаях — богорожденных) монад, которые, создавая и «наращивая» систему тел, проходят в этих телах сложнейшее развитие, совершая в его процессе более или менее осознанные выборы.

Как известно, противопоставление креационизма и эманации является одним из существеннейших «камней преткновения» в истории человеческой мысли. Особенно глубоко, внешне непреодолимы в этом вопросе разногласия представителей теологии и философии. Идея эманации связывается с философской диалектической традицией и часто отсылается к идее пантеизма, тогда как идея креационизма полагается единственно адекватной формой изложения теистической доктрины и единственным адекватным способом выражения отделенности трансцендентного Божества от сотворенного им мира.

Однако если принять в качестве основы идею о том, что творение бессмертных монад Божественным Началом есть проявление истекающих из него и порождаемых им энергий, то пропасть между Творцом и творением преодолевается как на уровне внутреннего опыта (опыта, который мы называем «мистическим» и который делает любое существо способным ощутить Божественные энергии), так и на уровне «оплодотворенного» этим опытом разума. Такое мировоззрение *не предполагает преодоления метафизической пропасти* (кардинального отличия Творца и творения по сущности), но выражает идею связи мироздания с Творцом как идею пронизанности всего мироздания и в том числе всех «уровней тел» человека, и с энергиями Творца, что делает его потенциально способным *не только к познанию Бога, но и к преображению и возвышению (обожению) всего его существа, в том числе, и грубо телесной его части.* Эти идеи находят практическое применение в исихастско-имяславских практиках «умно-сердечной молитвы, внутреннего делания», через которые происходит «духовное преображение и обожение ума, чувств и тела человека» [8, с. 31].

Согласно Д. Андрееву, конечной целью развития всех существ является именно «просветление» всех тел, то есть насыщение их «божественными энергиями», выводящими существо на уровень качественно более высокий, чем существование в виде изначальной монады — на уровень сложнейшей, качественно обогатившейся путем долгого развития «личности Абсолюта». Таким образом, целью исторического процесса является не уничтожение телесности (так как оно в принципе невозможно), а ее «просветление». Существование же в процессе развития деятеля телесных оболочек всех уровней — от самого тонкого до самого грубого, физического — соответствует той или иной ступени развития и предназначено для решения конкретных задач определенного уровня развития.

Следует обратить внимание также на диадку Добра и Зла, которая, согласно Д. Андрееву, хотя и находится в состоянии противостояния, не представляется абсолютным противоречием, а является лишь некоей временной «болезнью роста», возникшей вследствие выбора некоторыми существами отрицательного пути развития. Конечной целью развития любого существа, временно выбравшего «нисходящий путь», является, согласно Д. Андрееву, *осознание «тупиковости» такого пути развития и переход его на путь Добра* (в христианской терминологии — «спасение» всех существ).

Представление, что мир неуклонно движется к всеобщему совершенству или, выражаясь христианским теологическим языком, к всеобщему спасению (апокатастасису), так как в противном случае (при условии сохранения вечности мучений грешников) Бог не был бы Абсолютным Добром — вообще является одной из центральных идей русской культуры. В своей работе «Бог и мировое зло» Н.О. Лосский последовательно философски обосновывает идею необходимости прихода к Добру каждого «субстанциального деятеля». Только в Боге каждый деятель может обрести ту степень полноты, к которой не может не стремиться каждое сотворенное Богом существо. Поэтому рано или поздно, исчерпав все возможности «развития во зло», любое существо неизбежно придет к Добру².

Д. Андреев пишет о том, что в процессе будущего бого-сотворчества в решении задач преобразования земного бытия в качестве со-творцов и союзников человека будут участвовать и стихии, которые уже не будут отвергаться «целиком и полностью» вместе со всем «испорченным миром» так, как это произошло в рамках исторического христианства. Именно поэтому утратилось ощущение внутренней связи со стихиями, благодаря чему действие этих сил в мироздании стало признаваться слепой и неуправляемой стихийной силой, и возобладаало хищническое, потребительское и «механическое» отношение к природе. Однако эти стихии (по Д. Андрееву, «стихиялии») также являются служителями светлой или темной направлен-

ности, причем последние подлежат исправлению и возвышению и должны вместе со светлыми стихиями внести свой существенный вклад в дело будущего преобразования земного мироздания.

Таким образом, у Д. Андреева идея преобразования стихийного начала во всем мироздании, как в человеке, так и во всей природе, — из его хаотического состояния в состояние упорядоченное, осмысленное и направленное на созидание будущей гармонии мироздания, возможное на земле при изменении самого качества ее существования. Идея, которая неоднократно высказывалась В.С. Соловьёвым, Б.П. Вышеславцевым, Н.О. Лосским, Е.Н. Трубецким и другими русскими философами, выражена в образно-персонифицированной форме.

Согласно Д. Андрееву, хотя вся метаистория, управляемая *промыслительными силами*, движется в направлении будущего преобразования всего земного бытия, но на скорость и характер такого движения влияет выбор существ, участвующих в *метаисторическом* процессе. Так, будущее преобразование человека и всего земного мира предполагает не только активную деятельность существ «восходящего ряда», но и существенные усилия представителей человечества, коренного пересмотра всего привычного, «человечески ориентированного» способа существования и мышления: в первую очередь, создания некоей *единой базы духовного знания*, объединяющего положительные духовные достижения различных религиозных традиций (и даже создания на этой базе некоей международной общественной организации³), сознательного содружества людей с высшими силами «светлого направления», выхода каждого человека на иной, более высокий уровень развития положительной направленности. И лишь для полного завершения процесса требуется коренное преобразующее вмешательство в исторический процесс Христа-логоса-демиурга, не закончившего свою миссию во время своего первого прихода на Землю и готовящегося довести ее до конца во время своего второго пришествия. Именно это «заключительное» вмешательство в процесс истории, призванное изменить «баланс сил» в сторону сил света и действующее совместно со свободной волей людей, способно в будущем преобразить все земное бытие.

Весьма последователен и убедителен Д. Андреев в описании всех тех препон, которые тормозят развитие человечества и всего земного мира, приводя к всевозможным трагическим историческим коллизиям и нередко на многие века заводя человечество в тупик.

Одна из главных препон на пути наиболее благоприятного развития — отсутствие консолидации всех духовных сил «светлого направления», в особенности религиозных конфессий, отсутствие стремления к осмыслению и синтезированию наработанного человечеством в рамках

² В отличие от Д. Андреева, Н.О. Лосский предположил, что процесс «прихода к Добру» продолжается бесконечно, так как на место деятелей, занявших место в «Божьем царстве», Бог активирует на Земле соответствующее количество деятелей, которые только начинают свое развитие [3].

³ Такая организация основана не на идее экуменизма (в привычном понимании), а на идее глубинной духовной интеграции положительных достижений всех метакультур, существующих в земной цивилизации, в единую интегральную базу знания-ведения.

«...мистицизм, в своей основе, есть не учение, даже не вера, в общепринятом смысле слова, а внутреннее переживание, опыт <...> совершенно справедливо путь мистической жизни называют путем опытного богопознания. Но значение внутреннего опыта не может игнорировать и религия. Иначе она превратится, в лучшем случае, в отвлеченную доктрину, в безжизненную философею, в худшем — в пустое обрядоверие, бездушный формализм»

П. Минин

различных религиозных традиций ценнейшего духовного опыта. По мнению Андреева, особой козностью отличается исторически сложившееся православное христианство, которое ставит на первый план идею личного спасения, а не идею творческого преображения земного мироздания. Впрочем, такие же особенности, по Д. Андрееву, присущи и многим другим существующим на земле культурным и религиозным традициям, «выпячивающим» собственную исключительность и не желающим налаживать подлинные духовные связи *метакультур*. Между тем, если бы человечество попыталось наладить эти связи, многие противоречия, кажушиеся неразрешимыми, были бы преодолены.

Один из сильнейших «вирусов сознания», «парализующих» активное и осознанное стремление человечества к Свету, о котором справедливо пишет Д. Андреев, — это негласное и неосознанно вошедшее в плоть и кровь человечества *признание того, что законы земного мира, зачастую жестокие и бесчеловечные, являются незыблемыми*. В своей работе он неоднократно подчеркивал, что эти законы сформировались под действием демонического элемента, оказавшего влияние на земную историю (влияние демона Гагтунгра), и представители миров «восходящего ряда» во всех *метакультурах* постоянно работают над их смягчением.

Хотя в принципе исторически сложившееся христианство также признает временность существования этих законов, их преобразование как бы «отодвинулось за пределы» конкретного бытия, перенеслось в какое-то очень отдаленное будущее. Поэтому многие православные христиане стали считать своей целью лишь личное спасение после смерти, и их активность в борьбе со злом мира была парализована.

Однако для Даниила Андреева, как для истинно верующего человека, неприемлема позиция «отодвигания» победы Добра в отдаленное будущее, соглашательская и пассивная позиция в отношении к земному злу. Философское обоснование активного участия верующего человека в делах мира, в том числе в борьбе с земным злом, было предложено И.А. Ильиным в работе «О сопротивлении злу силой». Подобную же позицию отстаивал и Б.П. Вышеславцев, который, в частности, писал: «Смерть, гибель, страдание, крест — не есть последнее слово для христианства. Идеальная победа мученика и святого и

«вечная память» о нем — тоже не последнее слово. *Только реальное Воскресение Христово и реальное преображение всего мира есть последнее слово. Это значит: то, что заслуживает жизни — будет жить; то, чему нельзя умереть, — не умрет <...> Нельзя устранить из человеческого сердца желания полной и мощной победы всех ценностей и святынь, их воплощения на Земле и во всем космосе («Да придет Царствие Твое»).* Мы верим в конечную победу добра и внутреннее саморазрушение зла и не верить не можем (курсив мой. — А.Ш.)» [9, с. 706].

Д. Андреев разбирает также иные «вирусы сознания», занесенные в умы людей силами тех, кто пошел по отрицательному пути развития, и во многом поддерживаемые человечеством в силу веками укоренившихся привычных традиций, отсутствия необходимых знаний и отсутствия стремления к ним. При этом, как это отмечает Д. Андреев, православное христианство заражено большинством из этих «вирусов».

Одно из таких искажений — возникновение все большей дистанции между человеком и Богом, приведшее к тому, что *возможности* опытного богопознания (мистики) стали представляться уделом немногих избранных (святых, праведников), а для большинства — делом достаточно непонятным, в некотором роде «подозрительно-опасным» и подспудно (а то и открыто) осуждаемым. Не случайно, любые официальные церквы всегда с большим подозрением относились к проявлениям «духовидчества». Между тем, о непреходящем значении именно этого опыта и опасности его отвержения для любой религии писал, например, П. Минин: «...мистицизм, в своей основе, есть не учение, даже не вера, в общепринятом смысле слова, а внутреннее переживание, опыт <...> совершенно справедливо путь мистической жизни называют путем опытного богопознания. Но значение внутреннего опыта *не может игнорировать и религия. Иначе она превратится, в лучшем случае, в отвлеченную доктрину, в безжизненную философею, в худшем — в пустое обрядоверие, бездушный формализм* (курсив мой. — А.Ш.)» [10, с. 12].

По сути, единственным «мостом» от человека к Богу в исторически сложившемся православном христианстве стала представляться молитва слабого человека к всесильному непонятному и бесконечно отдаленному от человека существу. Живое и динамичное общение души

с Богом превратилось в свод мертвых правил, а живые Божественные ценности — в абстракцию (процесс этот явственно виден в историческом развитии католицизма, а также в целой серии философских рационалистических систем, начавших появляться еще с эпохи Позднего Средневековья, в которых «божественное» стало, по сути, синонимом «рационального», «интеллектуального»). Отсюда проистекает неоправданное смешение духовного и интеллектуального (и нередко подмена одного другим), о чем неоднократно писал Д. Андреев. Отсюда же — и разрыв между наукой и нравственностью.

Следует еще раз подчеркнуть, что для Д. Андреева Божественное Начало не отъединено от мира и не противопоставлено ему, а разлито по всему мирозданию и проявлено во всех деятелях, в том числе и в «стихиях». Можно сказать, что писатель обладал тем, что в терминах американского психолога С. Грофа называется «космическим сознанием». Такое мироощущение позволяет на самом глубинном уровне ощущать взаимосвязь человека со всем мирозданием. Чем более утрачивается это чувство, тем более отъединенным, как бы «выброшенным из мироздания», оказывается каждое самоосознающее существо. Движение по «восходящему пути развития» увеличивает эту связь, а движение по нисходящему пути развития — напротив, уменьшает.

Утрата ощущения и осознания божественной природы как мироздания, так и человека приводит также к многим другим значительным искажениям, тормозящим движение по «восходящему пути». Отсюда — «воинствующий» антропоцентризм, при котором человек негласно признается как бы единственным разумным существом, имеющим право по своему усмотрению, часто потребительски и хищнически, распоряжаться судьбами и жизнью животных и всей природы.

Еще одно существенное искажение — утрата человеком стремления к всестороннему развитию личности, которое постепенно стало расцениваться как проявление «гордыни» и «демонического влияния». По сути, как на протяжении долгих веков существования христианства, так и сегодня любой человек, который обладает способностями к более широкому спектру восприятия, совершенно безосновательно приобретает в глазах «стандартного христианина» облик «демонического существа». Не случайно в глазах многих современников В.С. Соловьёва, в том числе философов, которые были близки ему по духу и общей направленности философской мысли, он представал какой-то «демонической личностью». Естественно, что подобный настрой не может способствовать всестороннему и глубокому развитию личности в ее движении по «восходящему пути», и лишь немногие единицы способны вырваться из этого состояния «духовной скованности».

Следствием такого отношения к человеку стало отрицательное отношение к творчеству, фактически запрет на творчество, который, как подчеркивает Д. Андреев, был особенно силен в российской *метакультуре*. В связи с этим за многие века своего существования российская *метакультура* фактически не смогла породить каких-либо

значительных деятелей искусства, культуры, философии, но породила целую плеяду праведников.

Необоснованно приниженное состояние человека, слишком скованного традициями и обычаями со всем «грузом» внедренных искажений, привело к тому, что он перестал чувствовать свою ответственность не только за судьбу мира, но и за свою жизнь, считая себя слишком ничтожным, чтобы что-то изменить.

В прямой связи со всем вышеописанным находится и необоснованное отделение духовного от природного и телесного. Природа, как и человеческое тело, была негласно отвергнута как «злое начало» и тем самым лишена просветляющего влияния духовности. Между тем, как пишет Д. Андреев, в самой природе постоянно происходит борьба Божественного и демонического, поэтому как отвержение природы, так и языческое поклонение ей одинаково неприемлемы, и человек должен стремиться к просветлению природного начала как в собственном существе, так и во всем земном мире. Двойственный характер восприятия любви и женского начала привел к тому, что вся эта сфера совершенно необоснованно стала считаться сферой «греховного», и светлая духовная составляющая любви и женственности была задавлена и отвергнута, что привело человечество ко многим искажениям и несчастьям.

Еще одной силой, тормозящей человечество на пути развития и связанной с утратой любви в качестве объединяющего начала, является страх как внутренняя мотивация любых действий и выборов человека. Н.О. Лосский справедливо отмечает, что сильным влиянием обладало и обладает направление мысли, названное им «темным христианством». Оно отрицает идею будущего всеобщего спасения, а на место любви как силы, движущей человеком на пути к Богу, ставит страх⁴. Можно предположить, хотя эта идея не акцентирована у Д. Андреева, что именно страх во многом тормозит человечество на пути к Добру и преображению, так как он «подпитывает» темные антимир — изнанки *метакультур* и поддерживает могущество демонических сил в «мирах возмездия».

Утрата ощущения живой внутренней связи с Богом и миром приводит к тому, что мироздание перестает ощущаться как живое, развивающееся и динамичное начало. Отсюда — ощущение незыблемости, мертвой статичности жизни, и эта статичность переносится на осознание Бога и законов мироздания. Между тем, Д. Андреев постоянно развенчивает эти представления, подчеркивая, что все мироздание, все его деятели, миры, слои, *метакультуры* находятся в постоянном процессе видоизменения и развития.

Все вышеперечисленные искажения, которые теснейшим образом взаимосвязаны и как бы «подпитывают» друг друга, привели к тому, что человек, лишенный внутреннего опыта познания высших миров, обремененный

⁴ Такое «темное христианство», по мнению Н.О. Лосского, нашло отражение в творчестве философа-публициста К. Леонтьева.

многочисленными ограничениями и искажениями, настолько «притерпелся» к существующему положению вещей в мире, что даже стал находить в нем некое особенное удовольствие. Это духовное состояние хорошо выражено современным исследователем русской культуры С.Г. Семеновым: «Уж очень сладострастно успели мы вжиться даже в боль и трагизм нашей природной смертной жизни. В ней не соскучишься: вдруг пронесет, вдруг выйдет. Вдруг... успевай только поворачиваться, отводить удары, хватать краткие крохи, утверждать себя. Нет для человека ничего желаннее и непонятнее счастья. А высшая его ступень — блаженство, безущербное, непреходящее, духовное, кажется не только непостижимым, но и пресным: где в нем соль чувственных ошалений, сладость мучительства и мученичества, вся клавиатура телесных отзывов?» [11, с. 106]. По сути, тесное смешение и взаимопереход светлого и демонического в природе и человеку стал восприниматься как нечто привычное и непреодолимое, а светлое состояние сознания и бытия, лишенное «подпитки» каким-либо религиозным («трансфизическим») опытом, стало представляться некоей «абстракцией» или мефистофельским «скучным вечным молебном».

Все эти искажения, безусловно, не являются особенностями только российской *метакультуры*; однако в ней они выражены достаточно сильно, зачастую сильнее, чем в других *метакультурах*. Особенности российской *метакультуры* во многом обусловлены влиянием *метакультуры* византийской, с ее чрезмерной статичностью, «законсервированностью», отсутствием тенденций к развитию и строгими законами, создающими серьезные (а для многих душ — непреодолимые) препоны для того, чтобы не быть подвергнутыми предельно строгому «загробному воздаянию». Единственным путем, дающим некую «гарантию» выхода за пределы создаваемого таким положением вещей «заколдованного круга», становится аскетический путь, принявший, однако, в восточном православии экстраемальные формы.

Таким образом, человек в российской *метакультуре* настолько скован порождаемыми ею ограничениями, что фактически возможность более или менее полноценного положительного развития на протяжении земной жизни для него очень ограничена. Возможность расширения сферы восприятия оказывается вынесенной за пределы земной жизни (тогда как в других *метакультурах*, например в индийской, развитие происходит на протяжении многих реинкарнаций, и человек может приобрести более богатый и разносторонний опыт).

Те шаги, которые, по мнению Д. Андреева, не только российская *метакультура*, но и все человечество должны сделать для того, чтобы выйти из возникшего тупика, вполне закономерно вытекают из мировоззрения человека. Для преодоления всех искажений и вывода человечества на максимально прямой путь к Свету необходимо прежде всего *создание единой базы Знания*, синтезирующей все ценные духовные наработки разных культур (что на данном этапе развития человечества, как

справедливо отмечал Андреев, может быть совершенно лишь небольшим количеством наиболее развитых в положительном направлении людей, объединившихся для служения задаче вывода человечества на качественно более высокий духовный уровень). Вторая задача, столь же закономерно вытекающая из предыдущей — *распространение этого Знания* среди как можно большего количества (в идеале — среди всех) людей посредством систематического обучения и воспитания, причем не в рационалистически-информационном ключе, но направленных на расширение сферы восприятия человека. Это сделает человека способным опытным путем познавать те феномены, которые традиционно принято относить к сфере «иррационального», ибо без этого знание остается лишь мертвым, абстрактным учением. Задача распространения такого духовного систематического знания уже давно — *одна из важнейших и насущнейших задач человечества*. Ибо именно отсутствие системности и разносторонности такого знания приводит к тому, что люди, не способные систематически и осознанно двигаться в «восходящем направлении» под мудрым водительством более развитых в положительном духовном отношении сил, «улавливаются» различными, чаще всего «антидуховными» силами, которые ими управляют, заставляя «погрязать» во всевозможных «искажениях» и двигаться в «нисходящем направлении». Широко распространен миф, что человек, предоставленный самому себе, якобы, свободен в своем духовном развитии. Однако следует сказать, что для большинства людей в силу низкого уровня их развития подобная свобода призрачна, не случайно в христианстве была принята система «духовного послушания». Следует подчеркнуть, что для подобного водительства требуются развитые в духовном отношении люди, а за неимением таковых подобная система служит лишь все большему «погрязанию» людей во всевозможных искажениях и духовных тупиках.

Способы и методы реализации всех вышеизложенных целей — это самые спорные и самые трудно решаемые вопросы, и любые рекомендации Д. Андреева, как и вообще любого человека, всегда неминуемо вызвали и будут вызывать массу вопросов и массу обвинений в наивности, утопии и т. д.

Прежде всего, сама по себе консолидация сил «восходящей направленности» существенно затруднена, так как предполагает выход за пределы любой конфессиональной и национальной ограниченности, наличие глубочайшего метафизического (*метаисторического*) опыта, высочайшего уровня духовности и всестороннего развития, а пребывание на подобном «посту» требует от человека огромной ответственности и по сути лишает его права на ошибки. Не случайно особое внимание уделяет Д. Андреев описанию духовного портрета того избранника, который должен стать во главе «Розы мира». Проблемы, связанные с решением задачи распространения этого знания, столь же глобальны. Любые методы воспитания, которые могут быть предложены, требуют строжайшей разработки и несут в себе потенциальные возможности

для многих искажений. В частности, большинство людей в силу «законсервированности» во всевозможных традициях со всеми их искажениями вряд ли безоговорочно встанет под знамена «Розы мира». Применение же насильственных действий, неминуемых, как считает Д. Андреев, на начальном этапе, как и вообще всякого насилия, допускаемого с целью минимизации проявления зла, — это вещь очень тонкая и требующая таких умений и знаний, которые с привычной точки зрения являются уделом неких «сверхлюдей». Таким образом, все предложения и рекомендации по претворению идей писателя в жизнь неминуемо подпадут под огонь критики. Многие вещи могут вызвать неприятные в историческом смысле ассоциации; не случайно Д. Андреева нередко обвиняли в симпатии к коммунизму.

Традиционным и самым главным возражением против подобных проектов преобразования общества является сложившееся «соглашательское» представление о том, что зло на земле непреодолимо, и, как следствие этого — уход человека от любой глобально ориентированной позитивно преобразовательной деятельности, предоставление всей публичной жизни: общественного строя, государства, его законов — различным властям — мирским и церковным, строящим общество по большей части по лишенным одухотворяющего и просветляющего начала духовности законам внешне социального существования⁵. Критикуя всевозможные «преобразовательные проекты», представители традиционного христианства любят цитировать слова Христа о том, что его царство «не от мира сего», но почему-то не обращают внимания на употребляемое им в знаменитой фразе слово «ныне», позволяющее несколько по-иному взглянуть на привычное высказывание: «Иисус отвечал: Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда» (Ин. 18:36). Можно трактовать данную, не вписывающуюся в традиционную, концепцию, «странность» как понимание Христом того факта, что в момент его первого пришествия люди *еще не были готовы к принятию целостного интегрального знания*, делающего их способными выйти за рамки привычного им положения вещей и стать подлинными со-творцами Бога, выйти на новую, более высокую ступень развития.

Вместе с тем, в этом же слове можно увидеть и указание на то, что такой момент может наступить в будущем. Однако для него требуется достаточно серьезная и всесторонняя духовная подготовка самих людей, так как процесс «обнаружения», «освобождения» и раскрытия своей абсолютности и развития начала духовности должен быть свободным и не может «насиленно подгоняться» даже самими божественными силами. Ибо, как справед-

ливо пишет Н.О. Лосский, «для слабого человека попытка одним скачком прыгнуть в Абсолютное было бы делом не добрым, а “бесовским”» [3, с. 221].

Возможно, именно поэтому то дело, которое, согласно Д. Андрееву, так и не было закончено на земле Христом во время его первого пришествия и не могло, и *не должно было быть законченным тогда*, ибо *это нарушило бы свободу человечества*, не готового к переходу в качественно иное состояние — слишком велик в количественном отношении был перевес тех людей, которые не готовы к совершению гигантского качественного скачка и которые находили и находят в несовершенном земном состоянии особенное удовольствие. К сожалению, будучи не готовыми воспринимать откровение абсолютного совершенства, не способными поверить в свое богоподобие и творчески совершить свою миссию на Земле, не желая всестороннего положительного развития, требующего определенных (и даже значительных) усилий, люди могут согласиться быть руководимыми «великими инквизиторами», способными взять на себя «бремя знания и ответственности» за управление жизнью людей.

Тем не менее, общая направленность мысли Д. Андреева связана с осознанием им того факта, что придет время, в котором миссия Христа будет исполнена, а человек возвысится до иной, более высокой ступени развития. И хотя окончательный процесс преобразования мироздания должен быть, по мысли писателя-духовидца, завершен самим Христом («Планетарным Логосом»), *характер самого движения человечества и любого деятеля на этом Пути* — это то, что находится во многом в руках самого человека. Поэтому создание единой духовной школы, способной направить максимальное количество людей по наиболее безболезненному и прямому пути положительного развития, является стремлением более чем оправданным и логически вытекающим из всего того, что написано Д. Андреевым. Вместе с тем, писатель прекрасно понимал, что, скорее всего, лишь небольшая часть людей окажется способной подвергнуться всестороннему обучению, тогда как большая часть человечества все же пойдет по пути подчинения Антихристу и вынуждена будет пройти через множество мучительных моментов. В этом плане можно считать, что Д. Андреев более чем реалистично оценивал действительность, и совсем не был «утопически настроенным» (в метафизическом смысле) человеком.

Обращаясь к реалиям современности, можно сказать, что все идеи Д. Андреева «разлиты» в многочисленных учениях, и общая направленность его мысли характерна для определенного количества наиболее духовно развитых людей, в той или иной степени сумевших освободиться от стереотипов восприятия и мышления, навязываемых современным обществом и традиционными религиозными доктринами, а также сумевших обобщить ценные наработки различных духовных традиций.

Примеры учений, которые в значительной степени отображают мировоззрение, сходное с мировоззрением

⁵ Впрочем, сходная позиция, как отмечал Д. Андреев, присуща и исторически сложившемуся буддизму, ведь согласно представлениям буддизма любая деятельность человека в мире, в том числе положительно-духовно-преобразовательная, бессмысленна, а единственной целью духовного развития является лишь выход за пределы «колеса перевоплощений».

Д. Андреева (следует назвать его «ведическим» — от слова *ведение* — внутреннее знание) — это, например, философия всеединства В.С. Соловьёва, учение Э. Сведенборга; в литературе — эпос, переданный Д. Толкиеном в «Сильмариллионе», литературно-поэтическое отображение этого мировоззрения воплотилось в произведениях Д. Мережковского. В современной науке элементы такого мировоззрения можно, думается, найти в работах Н.В. Левашова, В.И. Моисеева и других. Под влиянием творчества Д. Андреева или под влиянием сходного метафизического (*метаисторического*) опыта (причем не только в глобальных идеях, но и во многих частностях) находится, по-видимому, творчество английской писательницы Дорис Лессинг (роман «Шикаста», 1979).

Однако в целом лишь незначительное меньшинство серьезно пытается исследовать те сферы, о которых писал Андреев, причем это «не приветствуется» ни так называемой традиционной наукой, ни «традиционными религиями». Между тем, многие термины Д. Андреева сегодня буквально «вошли в обиход». Косвенным подтверждением того, что метафизическая (*метаисторическая*) картина, нарисованная Д. Андреевым, является достаточно верным отражением реальности, представляется появляющаяся сегодня информация о реальном существовании различных миров, измерений бытия. Исследуются результаты пребывания людей в измененных состояниях сознания (С. Гроф), что позволяет им получить опыт, во многом сходный с *метаисторическим* опытом Д. Андреева. Сегодня становится доступной информация и о том, что сами возможности человека, его физического существа, гораздо шире, чем это принято было считать раньше: например, на земле живут люди, которые способны так перестроить физиологию, что даже могут обходиться без привычной для человека пищи («солнцееды»). Кроме того, для человека, видящего мир подобно Д. Андрееву, совершенно очевидна прямая взаимосвязь внешне проявленной материальности человека и его духовной сути (одного взгляда чаще всего достаточно, чтобы отличить человека, проникнутого так называемыми высокими энергиями, от человека приземленного, подверженного «нижней материальности»). Сегодня, по всей видимости, эта взаимосвязь еще больше усилилась и выявилась, не случайно эти идеи настолько «витают в воздухе», что даже находят отражение в популярных сериалах (например, американский сериал «Гримм»).

Все прогрессивные мысли, движущиеся по сходному с Д. Андреевым направлению, все же не объединяются в единое целое, не организуются в структуру, они остаются разрозненными знаниями и не имеют широкого распространения, так как большинство людей по-прежнему продолжает привычно существовать в традиционных религиозных и социальных рамках.

Все перечисленные Д. Андреевым «вирусы сознания», заброшенные в умы и души людей на протяжении веков, продолжают процветать. Более того, во многом они даже упрочили свое положение. Информационная эпоха

позволяет получить доступ к большому количеству информации и выбрать из нее то, что может действительно представлять ценность для продвижения по «восходящему пути развития», однако воспользоваться такой возможностью способны лишь единицы. При отсутствии некоего внутреннего «метафизического чутья» и разносторонне развитого мышления, позволяющего обобщить большое количество информации, большинство людей, находящихся на достаточно низкой, малоосознанной ступени развития, невольно выбирает только то, что соответствует их узким рамкам и стереотипам. Кроме того, развитие цивилизации, позволяя иметь значительные удобства, на всех уровнях регламентирует жизнь людей, так что человек становится малосамостоятельным, инфантильным, утрачивает чувство ответственности за свою жизнь. Отнюдь не случайно, многие верующие люди сравнивают цивилизацию с «коллективным Антихристом», ведь, как это описывает и Д. Андреев, общество под управлением Антихриста — это общество, в котором люди полностью «освобождены» от любой ответственности за свою жизнь и становятся, по сути, винтиками машины, управляемой центральной властью.

Технические возможности цивилизации способствуют налаживанию контактов между самыми разными культурами и традициями. Однако чаще всего такое взаимодействие оказывается неглубоким, поверхностным, как и те знания, которые находятся в разрозненном состоянии и не связаны в единую систему. Сама техническая направленность цивилизации, совершенствуя технические средства, во многом отсекает человека от знания внутренних основ жизни, отбивает у большинства людей вкус и способность восприятия более тонких (метафизических, *метаисторических*) феноменов и энергий. Противостоящая же этому и набирающая сегодня силу тенденция «возвращения к природе» приобретает нередко гипертрофированные формы и проходит под эгидой неких «сектантски ориентированных» идей.

Люди, стремящиеся к познанию «*трансфизической* реальности», лишенные систематического образования и воспитания, делают попытки выйти за пределы привычной физической реальности путем использования различных методов изменения сознания (например, занятия всевозможными восточными практиками, медитацией, холотропным дыханием, психodelики). Однако чаще всего они останавливаются на некоей начальной ступени познания этой реальности, ошибочно принимая ее за окончательную ступень познания Бога⁶. Люди такого плана часто становятся адептами сект, улавливающих их в свои сети и значительно «суживающих» их духовные горизонты.

⁶ Ошибку такого рода, как пишет Д. Андреев, совершил даже Будда, когда принял один из «переходных» миров восходящего ряда, входящих в сложную систему, «нирванический мир», за мир Абсолюта, то есть за окончательный итог духовного пути. Разумеется, в своих опытах «путешествия по тонким мирам» современные люди чаще всего не достигают тех миров, в которые смог проникнуть Будда, а останавливаются на мирах «близлежащих», по большей части «нисходящего ряда».

Могущество и сила человеческой веры потенциально огромна (именно это подчеркивал Христос, когда говорил о вере «с горчичное зерно», которая может сдвинуть горы), и в этом проявляется богоподобие человека, его способность творчески влиять на все мироздание. Такая способность человека связана с тем, что он «изменяет баланс сил» в собственном внутреннем и во внешнем мире, то есть «задействует», притягивает, усиливает (или, наоборот, ослабляет) спектр «реалий бытия», соответствующий его внутренним установкам.

Присущее человеку в силу его божественной природы стремление к свободе, чаще всего направляется не на осознанный *метаисторический* выбор и осознанные поиски в этом направлении, а переключается на свободу в тех областях, которые не представляют угрозы для сил, относящихся (в терминах Д. Андреева) к силам «нисходящего ряда», упрочивающих ныне свое положение. Та самая «клавиатура телесных отзвучий», упоминаемая С.Г. Семеновой, сегодня наполняется все большими красками, что проявляется, например, в чрезмерном выпячивании сексуальной сферы и многочисленных ее искажений. Не случайно Д. Андреев пишет о том, что именно сексуальная свобода будет тем стремлением, которое заставит большинство людей стать на «нисходящий путь» развития и подчиниться Антихристу: «Жажда сексуальной свободы будут многомиллионные массы» [1, с. 281].

Тем не менее, следует признать, что в целом, благодаря доступности информации и возросшей в результате технических достижений цивилизации, возможностям ее распространения, человек все же имеет (хотя бы потенциально, теоретически) доступ к достаточно ценным знаниям, потенциально способным действительно направить человека по «восходящему пути». Однако современное общество делает все, чтобы эти возможности и способности были заблокированы, а информационное пространство — замусорено всевозможными искажениями и второстепенной, малозначительной информацией. Вместе с тем человек, обладающий «метаисторическим чутьем», сходным с чутьем Д. Андреева, не может не чувствовать, что настоящее время — какое-то особенное, переломное, время распространения информации, время увеличения свободы и ответственности, когда каждый должен выбрать, сможет ли он внести свою лепту в исторический процесс или же опять предается в руки какому-нибудь «темному пастырю», ведущему в пропасть.

В целом сама позиция писателя в его отношении к действительности — это позиция действенная и ответственная, позиция *глубоко верующего (ведущего) человека*. Д. Андреев прекрасно понимал: несмотря на то, что человечество, скорей всего, выберет путь прохождения через трагические исторические коллизии, окончательное спасение всех неизбежно и закономерно.

Он призывал к пробуждению в человечестве чувства ответственности за судьбу мира, призывал человека не быть пешкой в руках *метаисторических* сил, выйти на такой уровень развития, чтобы стать сотворцом реальности. И хотя в глобальном смысле человек не может повлиять на весь процесс и его конечный результат, он все же сможет реализовать свою свободу и богоподобие, активно и творчески участвуя в божественном плане. Несмотря на то, что сегодня внешний опыт дает человечеству недостаточно убедительных «для всех и каждого» доказательств движения людей к обожению, просветлению, а в целом к переходу на более высокий духовный уровень, все же только вера в то, что такое преображение и просветление рано или поздно наступят (так как наряду с отдельными «просветителями» во многих областях деградация человечества становится всё более явной). Ибо в этом и заключается задача человечества, которую оно в какой-то переломный момент осознает и начнет решать, становясь той силой, что движет большинством глубоко верующих людей, как в жизненном поведении, так и в познании. Именно о таком парадоксальном отношении к вере и ее отношению к «социальным реалиям» жизни писал С.Л. Франк: «Перед лицом трагической социальной судьбы человечества, сознавая свою христианскую ответственность за нее, *надо вопреки всякому опыту верить в всепобеждающую силу жертвенной братской любви к людям и в проповеди этой любви* (курсив мой. — А.Ш.)». Если вере дано двигать горами, то она, во всяком случае, способна побеждать зло и неправду в жизни людей» [12, с. 32].

Могущество и сила человеческой веры потенциально огромна (именно это подчеркивал Христос, когда говорил о вере «с горчичное зерно», которая может сдвинуть горы), и в этом проявляется богоподобие человека, его способность творчески влиять на все мироздание. Такая способность человека связана с тем, что он «изменяет баланс сил» в собственном внутреннем и во внешнем мире, то есть «задействует», притягивает, усиливает (или, наоборот, ослабляет) спектр «реалий бытия», соответствующий его внутренним установкам.

Можно предположить, что на низших ступенях развития сама вера в какую-то придаваемую человеческим

восприятием особенность Бога-Творца может создавать или способствовать творению тех феноменов, которые эти представления поддерживают — например, созданию и поддержанию в действующем состоянии неких адских миров, «миров возмездия». Однако следует отметить, что сила, степень и даже *качество* веры зависят от того *уровня развития*, на котором находится человек и все общество (и на котором находится та или иная *метакультура*). Истинная (высокая) вера как внутреннее знание своей абсолютности и как свободный творческий порыв к Богу становится доступной человеку и вообще любому живому существу лишь на определенной (достаточно высокой) степени развития его духовности. Однако в душе каждого человека неизбежно происходит своего рода «испытание» такой «высокой веры», так как вера как внутренняя убежденность в «то, что должно быть», то и дело подвергается «ударам тяжести» царствующих в природе и обществе «законов необходимости», которые кажутся незыблемыми. Поэтому, как пишет В.С. Соловьёв, в реальной жизни лишь «некоторые люди ... не преклоняются перед силой факта и не служат ей. Против этой грубой силы того, что существует, у них есть *духовная сила веры в истину и добро — в то, что должно быть*. Не искушаться видимым господством Зла и не отрекаться ради него от невидимого Добра есть подвиг веры. В нем вся сила человека. Кто не способен на этот подвиг, тот ничего не сделает и ничего не скажет человечеству. Люди факта живут чужой жизнью, но не они творят жизнь. *Творят жизнь* люди веры. Это те, которые называются мечтателями, утопистами, юродивыми, — они же пророки, истинно лучшие люди и вожди человечества» [13, с. 242—243].

Именно к таким пророкам мы можем отнести и Д. Андреева, не случайно его книга оказывала и по сей день оказывает такое значительное влияние на умы и сердца людей.

Список литературы

1. Андреев Д.Л. Роза мира. — М.: Товарищество «Клышников-Комаров и К», 1993.
2. Кольцов А.В. Фактические подтверждения прозрений Даниила Андреева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rodon.org/koltsov/fppda.htm>
3. Лосский Н.О. Бог и мировое зло. — М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 1999.
4. Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. — Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000.
5. Трофимов В.К. Душа русской цивилизации. — Ижевск: Изд-во ГТУ, 1998.
6. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. В 2 т. Т. 1 (II). — М.: Правда, 1990.
7. Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1990.
8. Троицкая Н.Е. Русская цивилизация между Востоком, Западом и Югом (Историософские миниатюры). — М.: АКИРН, 1995.
9. Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии // Кризис индустриальной культуры. Избранные сочинения. — М.: Астрель, 2006.
10. Минин П. Мистицизм и его природа. — Сергиев Посад, 1913. — Переиздание — Киев: Пролог, 2003.
11. Семенова С.Г. Тайны Царствия Небесного. — М.: Школа-Пресс, 1994.
12. Франк С.Л. Проблема «христианского социализма» // Путь. Орган русской религиозной мысли / под ред. Н.А. Бердяева. — 1939. — № 60. — (Май-сентябрь).
13. Соловьёв В.С. Философия искусства и литературная критика. — М.: Искусство, 1991.